

Константин КАРАБАНОВ

ОН БЫЛ ПРОСТО СОЛДАТ...

(отрывок)

Я знаю: разнится война
У тех, кто пишет не воюя,
И тех, которые под пули
Вставали, шли...
Но не моя
Вина – живу в иное время.
Иными вихрями овеян.
Я ваш потомок.
Им быть смею.
Я ваши помню имена...

Был мал, расспрашивал отца,
Как воевал –
Мне знать хотелось.
Его отметины на теле
Ладонкой трогал.
Так хрупка
Под затянувшуюся раной
Струилась жизнь.
И было странно
Мне, пацану, на плоти рваной
Насколько кожа тонка.

Нам не досталось тех времён.
Дорогой той –
Не прошагалось.
Мне, сколько помню, всё казалось:
Тобой не произнесено,
Не сказано того, что полнит
Солдата небывалой болью
И тяжко слышится в упорном
Молчании фронтовиков...

пос. Тисуль

Георгий КОЛЬЦОВ

Георгий Николаевич Кольцов родился в 1945 году в селе Буреть Боханского района Иркутской области. В 1976 году окончил Литинститут им. Горького (семинар Л. И. Ошанина). Печатался в журналах «Звезда», «Студенческий меридиан», «Пограничник», «Сибирь», «Берега», «Молодая гвардия». Автор сборников стихов «Корни кедра» (1975) и «Спасательный круг» (2017). В 1985 году трагически погиб в г. Кашире. Там и похоронен.

У МОГИЛЫ НЕИЗВЕСТНОГО СОЛДАТА

Его зарыли в шар земной...
С. Орлов

А на земле ручьи звенели,
Цвела сирень,
Старела мать...
Ему б сейчас лежать в постели,
А не на площади стоять.

Продут позёмкой
Зимний вечер.
Проулки, улицы – пусты.
И стыннут каменные плечи
Под плащ-накидкой темноты.

Его в Орле
Или в Иркутске
Ждать перестали земляки.
Ему бы сесть,
Переобуться
И, похоронке вопреки, –

В тот край,
Где пролетело детство,
Вернуться на исходе дня,
В избе родимой отогреться,
А не у Вечного огня.

СЛЕПОЙ

В огне бомбёжки,
В адском скрежете
Навеки свет в глазах потух...
Так обострила тьма кромешная
Его обыкновенный слух,

Что научился он по голосу
Определять прохожих рост,
Как поле – по шуршанью колоса,
Сентябрь – по шелесту берёз.

Бесшумной палочкой бамбуковой,
Что верной спутницей была,
Не мостовую он простукивал –
Гремел во все колокола.

Звонил о братьях по оружию!
Как будто бы из-под земли
Неумирающие души их
На стук откликнуться могли.

Пожгла, сломала, исковеркала
Подлесок жуткая гроза...
А иногда во сне,
Как в зеркале,
Он видит вновь свои глаза.

* * *

Лебедеву Николаю Александровичу,
Герою Советского Союза

Вникая сердцем в правду горьких сводок,
Стал город на Неве фронтовиком...
Вернулся зимним вечером с завода
Отец опять с урезанным пайком.

Не верь,
Мол, пах он клеим силикатным,
Темнея, как протравленная медь,
Одно лишь отличало хлеб блокадный:
Ни разу не успел он зачерстветь.

Лишь дочери – девчонки молодые,
Не видевшие в жизни ничего,
Глаза с трудом от хлеба отводили,
Пока мать ниткой резала его.

А сам отец, такой седой, сутулый,
Вздыхнув, квартиру молча оглядел.
Нет ни стола, ни полка и ни стула.
Да – стула,
На котором сын сидел...

И вот, когда в прожитом стужей доме
Всё, что горело, было сожжено,
Взял старый слесарь лермонтовский
томик
И вспомнил, может быть, «Бородино».

И передумал, видимо, о многом.
Ну а потом недрогнувшей рукой
Буржуйку подостывшую потрогал,
Откинул дверцу с болью и тоской.

Жену, детей, себя ли успокоил,
Пытался ли загнать подальше стыд:
«Я думаю, когда вернётся Коля,
То он поймёт, то он меня простит».

Шли жизнь и смерть по Ленинграду рядом.
Тепло от книг, текущее к ногам,
Могло назавтра стать в цехах снарядам.
Ещё одним снарядам – по врагам!

О, книги! Бескорыстные подруги –
Их меньше становилось с каждым днём –

Спасали обмороженные руки
Своим недолгим ласковым огнём.

Ирина ЛЯШКО

ЛЕНИНГРАД

Город голодает. Город выгорает.
Город смотрит в небо ямами глазниц.
Стены коммуналок, берега каналов,
Парки, скверы душит полоумный фриц.
Люди не из стали, люди ждать устали,
Что замки блокады вера отпопрёт.
Голод тело сушит, улетают души,
Дверь им отпирают только смерть да Пётр.
Город голодает, жадно хлеб глотает,
А на ужин клейстер в виде холодца.
Но под ветхой кровлей делится он кровью
С раненым солдатом из-под Воронца.
Город пишет личный девяностостраничный,
Без полей и строчек летопись-дневник.
Здесь чернила влили тысячи фамилий,
И над каждой крестик, как прощальный крик.

ВЕТЕРАН

У него не сердце – сталь,
На груди висит медаль,
Душу обметало
Осколками металла.
Пуля с яростью врага
Грудь в бою подстерегла
И с боками твёрдыми
Влезла между рёбрами.
Врач заметил хмуро:
«А она не дура!
Раз оставила в живых,
Значит, глянулся жених.
К этой даме сердца
Надо б притереться».

У него не сердце – сталь,
На груди висит медаль,
А в ребре – из Бреста
Вечная невеста.

МУЗЕИ

Здесь птицы и цветы вольны
Жить нараспашку.
Здесь нет и не было войны
Пока что.

Травы, всего огрызок с метр,
Кусты и тополь.
Здесь даже не ступала смерть
И враг не топал.

Здесь пули не вросли в кору,
Удар снаряда
Не разорвал волшебный круг –
Пришёлся рядом.

Пора без привкуса вины
Водить туристов
В места, где не было войны...
Рублей за триста.

ПЕРЕКЛИЧКА В 1943-м

Он сел за стол.
В журнале клякса...
А нет кого
На переключке класса?

Девчонки парами,
Ну точно мышки.
А где за партами
Друзья-мальчишки?

Глаза от списка
Не видят, слепнут.
Девчонки близко,
Мальчишек нету.

Сбежали, плуты?
Всем замечания.
Ушли в минуты
Они молчания...

г. Кемерово

Михаил СВИЦЁВ

* * *

День Победы? Просто выходной.
Кремовые жёлтые розеточки,
И отцовский отчим – неродной
Дедушка, который был разведчиком.

Дед Андрей – с медалью на ребре
(Может быть, скучал, а может, датенький)
На мобилизованном ковре
Битый час играл со мной в солдатики.

Строил танк из кубиков, ещё
Бормотал: «Ну точно под Калугою»,

Самодельный пушечный расчёт
Называл по-сказочьи «прислугою».

«Что, Михал Георгич, – восклицал
(Никогда не звал его по отчеству), –
Даже пластилиновым бойцам
Во военнопленные не хочется?..»

Тщётно звал из кухни нашу рать
Мамин голос, кашлем поцарапанный,
Павших в коробочки собирать,
А живых – к обеду поторапливать.

Он соринки стряхивал с колен:
«Руки умываем перво-наперво» –
На своём веку не бравший в плен
Только огнемётчиков и снайперов.

* * *

Зябнут эшелоны на вокзале.
Что стрекочет в метре от земли?
«Карлсона» ещё не написали,
Вертолётты не изобрели?

Победит «Динамо» в первой лиге,
Лигу Наций пустят под откос.
Пишет молодая Астрид Линдгрен:
«Русские бомбили Гельсингфорс».

125

САПЁР ФОМИН

...подай перст свой сюда...

Ин. 20:27

Календари на палец похудели
в конце весны, и сорван без стыда
большой войны последний день недели,
который называется среда.

Зелёный цвет обратно входит в моду –
пучком травы, брезентовым ведром,
и роженицы прячутся, и воды
отходят у берлинского метро.

И, налезая строчками на ставни,
кириллица, как рация, фонит
на штукатурке майского Рейхстага:
«Проверено. Бог есть. Сапёр Фомин».

* * *

Всё кончается – пуля
покинет висок
вместе с бурой трухой
под рукой следопыта,

*и уже через час
в отсыревший песок,
словно косточка вишни,
обратно зарыта.*

*Спи спокойно, товарищ,
в особом раю,
недотронутом щупами
и именами, –
на домашнем ТВ
в чёрно-белом строю
нас не встретят
с почётом забытые нами.*

*Но в шкатулках, среди
похоронок и смет,
как из свечки – искра,
как из рыбы – Иона,
в каждой пятой семье
твоя верная смерть
ковыряет иголкой
пенал медальона.*

г. Москва

Кира МАРЧЕНКОВА

ПОСЛЕВОЕННЫЙ ЛЕС

*Здесь почву не радуют всходы,
Не делает птица гнезда.
Здесь в давние-давние годы
Случилась большая беда.*

*В какой-то причудливой вязи
Сплетаются ветви, стволы,
Глубокие старые язвы,
Засохшие капли смолы.*

*Он вспомнится мне не однажды –
Под сводом лазурных небес,
Наполненный болью и жаждой,
Угрюмый, скривившийся лес.*

*Стекает по камешкам время,
Скрипит под ногами песок...
Я знаю, в чём тайна и бремя
Таких некрасивых лесов:*

*За долгие-долгие вёсны,
За дни многотрудной зимы
Корнями опутали сосны
Осколки ушедшей войны.*

г. Сельцо, Брянская область

Сергей ЧЕРНОПЯТОВ

* * *

*Посвящается
бабушке Елены Елистратовой*

*Эй, режиссёр, ты где? Работать надо:
Экрана жаждет новый «Батальон» –
О том, как получивших аттестаты
Девчоночек отправили на фронт,*

*Как обучить их время не хватило,
Переодеть на воинский манер,
Как, жутко грохоча, на них катила
Армада бронированных «пантер»!*

*О той войне, чудовищной и лютой,
Есть обелиски всем ли городам?
Откликнись же, художник или скульптор,
Ваятель диорам и панорам...*

*Пусть от фрагмента в жилах кровь
застынет,
Опешит пусть заезжий экскурсант,
Увидевший девчонку... в крепдешине,
Горючей смесью завалившей танк!*

* * *

*18 июля 1941 года
на станции Лычково
фашистами был взорван
эшелон с детьми.
Погибло больше 2000 малышей.*

*Об этом веками должны помнить мы –
Картину с вагонами, полных детьми.
Ах, друг машинист, как ты долго стоял!
На всех полустанках других пропускал.*

*Из нынешних дней, хоть кричи не кричи,
Деревню Лычково скорей проскочи!
Пора паровозу пары поддавать:
Летит душегуб ребятишек взрывать.*

*Кто выжил, картофельным полем бежал,
Мальчонку на бредущем «ас» догонял,
С улыбкой гашетку он жал не спеша,
Не жадничал пуль, изверг, на малыша.*

*Приходит пора камни нам собирать,
В Лычкове две тысячи душ вспоминать.
Скульптура там есть, ты иди и смотри:
Из бронзы ребёнка подбросивший взрыв.*

Увидишь – и в жилах кровь может застыть:
Игрушки из бронзы лежат у плиты.

г. Кемерово

Наталья КИЛОЧ

ФРОНТОВЫЕ ПИСЬМА

Военных дней нетленные страницы,
В них затаилась память прошлых лет,
Читаешь – и взлетает тихо птицей
Истории малюсенький фрагмент.

«Здорово, батя, как дела на фронте?
Ты пишешь, был у вас тяжёлый бой.
Осталось мало вас, наверно, в роте?
А кот приبلудный – он-то как, живой?»

За дом не бойся, всё держу в порядке.
Картошку мамке выдаю варить:
Нам по одной и две ещё для Надьки –
Так, чтоб весной хватило посадить.

Дед Вася снова в шахту попросился.
В Подгорном пробивают новый ствол.
А твой пиджак на мамке износился,
Латала ночью продранный подол.

Вчера у Надьки было день рожденья.
Из шторки мама сшила ей наряд.
А баба Нюра принесла варенье.
На чай пришли одиннадцать девчат.

Санёк Белов удрал на фронт – вернули.
Ссадили, говорят, с порожняка.
А бабка с дедом крепко Саньку вздули,
Но он опять рванёт, навёрняка.

У Павловых вторая похоронка,
Тётъ Галя разом сделалась немой.
Вернулся с фронта Балаганин Борька:
Безногим привезли его домой.

Ты, батя, бей фашистов проклятущих,
Вернёшься – вместе срубим новый дом.
В реке наловим раков здоровущих
И голубей почтовых заведём.

Я раньше, помнишь, стать хотел пилотом,
На самолёте в облаках парить?
Теперь решил, что стану полеводом,
Хочу голодных хлебом накормить...»

Вернулся ли отец домой? Не знаю.
Да и писавший жив ли или нет?..
Но острой болью сердце мне пронзают
Чужие письма из военных лет.

г. Ленинск-Кузнецкий

Ирина СИДЕЛЬНИКОВА

* * *

Смотрит псина, мокрая, худая:
Пирожок свой отдала я ей.
И опять невольно вспоминаю
Корку хлеба бабушки моей...

Первый раз ударила собаку!
Нет, не с перепугу, не со зла.
От досады захотелось плакать:
Корку хлеба псина отняла!

Встретились голодных два оскала,
Взгляды обозлённые скрестив, –
Отступила псина, убежала,
В пыль сухую корку уронив.

Так бежать ещё не приходилось!
Только бы не съесть и добежать!
У девчонки сердце заходило:
Дома ждёт измученная мать

И лежит сестрёнка, угасая,
На простынке, как цветок в снегу,
Маленькая, добрая, смешная...
«Я бегу к вам, милые, бегу!»

Добежала, донесла, не съела!
Шаткие ступени, дверь, кровать...
«Попрощаться с Любой не успела», –
Прошептала еле слышно мать.

Свет поплыл, кривясь и угасая,
И собака взвыла вдалеке.
Корка хлеба, грязная, сухая,
Хрустнула предательски в руке...

Смотрит псина, мокрая, худая:
Пирожок свой отдала я ей.
И опять я плачу, вспоминая
Корку хлеба бабушки моей.

с. Подгорное